

рый весь из них вылетит, тут уж казаки наезжают с боков, да так их косяками и отхватывают. Уж тут его руками бери, сейчас аман кричит»¹¹. Характерна апелляция Градобоева к «духу», который у турок не в пример слабее русского: своего рода природно-натурная трансформация христианской антропологии.

В мире Островского мы находим и своих «иностранцев», которыми по логике купеческой вселенной оказываются те, кто не похож на других: «пешие путешественники» Счастливец и Несчастливцев («Лес»), уроженец Волги купец Васильков, которого жители Москвы принимают то за «лондонского агента», то за чужака, недавно вернувшегося либо от «ташкентцев», либо от бурят или тунгусов, короче – из Азии («Бешеные деньги»). К нему примыкает Салай Салтаных из «Последней жертвы», национальность которого остается непроясненной и который воплощает противоположный Василькову полюс «нового купца», что характерно, в любом случае имеющего у Островского азиатскую «прививку». На уровне «топохронии» авторского сознания и художественного мира следует иметь в виду города с чисто русским именем *Калинов* и чисто тюрским, точнее, болгарским, *Брахимов*.

¹ Герцен А. Россия и Польша. Письмо четвертое. 1860 // Империя пространства: Хрестоматия по геополитике и геокультуре России / Сост. Д. Н. Замятин. М., 2003. С. 111.

² Замятин Д. Метагеография: Пространство образов и образы пространства. М., 2004. С. 72.

³ См. об этом: Кошелев В. А. «Из Белой Арапии» // Щельковские чтения 2006: В мире А. Н. Островского. Сб. статей. Кострома, 2007. С. 151–161.

⁴ Островский А. Н. Полн. собр. соч.: В 16 т. М., 1949–1953. Т. 2. С. 126.

⁵ Там же. С. 135.

⁶ Там же. С. 253.

⁷ Там же. С. 377.

⁸ Там же. Т. 5. С. 143.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Т. 6. С. 27.

¹¹ Там же. Т. 5. С. 200.

СПЕРАНСКИЙ А. В. (Екатеринбург)

Россия и исторический процесс: концептуально-методологические интерпретации

Противоречия современного положения России, неясность путей ее дальнейшего развития, объективно заставляют общество обращаться к прошлому своей страны в поисках ответов на традиционные вопросы

русской истории: «Что делать?» и «Кто виноват?». Российское общество устало от навязанного ему в 1990-е гг. «плюрализма мнений» и вновь хочет получить простые и ясные ответы на очень сложные вопросы современной действительности.

Однако, к великому сожалению простых и ясных ответов на сложные вопросы современности история дать не может. В этой связи вполне уместно вспомнить знаменитого французского историка Марка Блока, справедливо отмечавшего, что история представляет собой социальную память человечества¹. Человеческая память очень тонкий и не надежный инструмент. Все это напрямую относится и к памяти всего человечества – истории. Профессионально не зафиксированный во время факт или событие может кануть в лету. Их можно характеризовать с самых разнообразных точек зрения, основываясь на политической, идеологической, экономической или какой-либо другой конъюнктуре. Можно намеренно вычеркнуть из истории, если они не вписываются в заранее разработанную научную или общественно-политическую схему.

История – это безбрежное море событий и фактов, самих по себе ничего не объясняющих. Историк должен выстроить события и факты в определенный логический ряд и дать им объяснения, то есть интерпретацию.

Если взять все исторические труды, так или иначе касающиеся развития русской цивилизации: от древних летописей до современных публикаций, то их историографический анализ наглядно покажет огромное количество взглядов и мнений часто на одни и те же события и факты, подтверждающий популярную в последнее время в российском обществе формулу: «У России несколько историй ...».

Имеющиеся в русской истории точки зрения и научные концепции методологически можно разделить на три основные интерпретации, критериями которых выступают предмет исследования и представления об историческом процессе: религиозно-историческую, всемирно-историческую и локально-историческую.

Религиозно-историческая интерпретация формируется в русской истории с древних времен и основывается в первую очередь на православном осознании мирового исторического процесса. Примерно с XI по XVII вв. она господствует при написании летописей и первых исторических трактатов. В качестве предмета исследования в рамках этой интерпретации выступает духовная сторона жизни человека, основывающаяся на вере в скоротечность материального и вечность духовного мира. Несмотря на то, что в подобном понимании развития человеческой цивилизации огромное место занимают мистицизм и мифологизм, оно впервые попыталось ответить на определяющие исторические вопросы: о смысле, структуре, содержании, начале и конце исторического процесса.

Все исторические сочинения, написанные в рамках этой интерпретации, отличают понимание истории как движения человечества к богу, реализации некоего божественного замысла, в ходе которого человечеству воздается и за добродетели, и за грехи. История русского государства начинается с процесса внедрения и распространения в восточнославянских землях православной идеологии и деятельности равноапостольного и святого князя Владимира Святославича. Расширение границ древнерусской державы тесно связывается с миссионерской деятельностью Русской Православной церкви.

Религиозно-историческая интерпретация уступила приоритетные позиции в русской истории с начала XVIII века. Однако, отойдя на второй план, она продолжала существовать в трудах религиозных историков XVIII–XIX вв.²

В XX веке религиозно-историческая интерпретация, в силу засилья марксистско-ленинской идеологии, практически отсутствовала в официальной истории России. Ее проявления наблюдались лишь в исторических сочинениях эмигрантов, касавшихся главным образом проблем революции и гражданской войны³. В самой России религиозно-историческая интерпретация стала возрождаться лишь со второй половины 1980-х гг., что было связано с начавшимися в стране процессами демократизации⁴.

С XVIII века в русской истории начинает утверждаться всемирно-историческая интерпретация, занимающая в ней лидирующие позиции и по настоящее время. Предмет исследования этой концепции всеобщий исторический процесс, характерный для всех народов мировой цивилизации. Он понимается как некое линейно-стадиальное движение человеческого общества по пути прогресса: от простого к сложному; от низшего к высшему. Впервые подобное представление человеческой истории фиксируется в трудах Г. Гегеля, затем получает развитие в произведениях К. Маркса. К первым русским историкам, воспринявшим подобную концептуально-методологическую интерпретацию истории, можно отнести В.Н. Татищева, Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева⁵.

Несмотря на то, что всемирно-исторической интерпретации и по сей день придерживается большинство российских историков, она не является непогрешимой и несет в себе серьезные противоречия. К ее позитивным моментам можно отнести возможность выявления общих тенденций и закономерностей исторического развития. Однако, они четко прослеживаются только при анализе истории наиболее развитых западноевропейских стран и США и не всегда проявляются в развитии стран Восточной Европы и России, не говоря уже странах Азии и Африки. Такого рода «европоцентризм» не способен отразить все многообразие и противоречивость мирового исторического процесса.

Кроме того, слабость всемирно-исторической интерпретации заключается в том, что она не представляет собой единого целого и распадается как минимум на три составляющие: историко-материалистическую; либерально-историческую и технологическую (модернизационную).

Историко-материалистическая интерпретация базируется на марксистском понимании развития человеческой цивилизации. Ее предметом исследования являются общественные отношения тесно связанные с формами собственности. Исторический процесс представляется в виде смены общественных формаций на основе социально-экономического детерминизма. Главным двигателем прогресса определяется классовая борьба, кульминацией которой являются революции. С приходом в 1917 году в России к власти большевиков эта интерпретация, благодаря усилиям М.Н. Покровского и других историков-марксистов, приобретает главенствующий характер и практически вытесняет из русской истории все альтернативные точки зрения⁶. Эта теория, несмотря на внешний воинствующий атеизм, тем не менее, обосновывая тезис о том, что проведя во главе с большевиками социалистическую революцию в 1917 году, Россия вступила в высшую стадию развития человечества, практически укрепляла идею миссионерской роли России в мировом процессе, сформировавшуюся еще в рамках религиозно-исторической интерпретации.

Практическая реальность опровергла во многом схоластические постулаты псевдомарксистского понимания истории и с середины 1980-х гг. историко-материалистическая интерпретация русской истории утратила роль единственно правильной теории и превратилась в безбрежном океане «плюрализма мнений» лишь в одну из многих исторических версий.

Либерально-историческая интерпретация начинает проявлять себя в русской истории со второй половины XIX века. Предметом исследования этого исторического направления является человеческая личность, а сам исторический процесс понимается как освоение человеком окружающей среды, завоевание им различных прав, свобод и т.п. Первым русским историком, вплотную подошедшим к либеральному пониманию истории, является В.О Ключевский. Высказав мысль о том, что история России не замыкается только в историю ее государства. Ключевский отходит от традиционного изложения исторических фактов и акцентирует внимание на деятельности русского народа в ракурсе его культурно-бытового развития⁷.

В «советский период» русской истории эта интерпретация не имела права на существования в силу гегемонии официального марксизма-ленинизма и идеологического подавления любого инакомыслия. Однако, начиная с середины 1980-х гг. в условиях разрешенной многоконцептуальности, она привлекла к себе внимание многих российских историков и на современном этапе заняла, пожалуй, лидирующие позиции в русской истории. Сегодня наиболее ярко эта концептуальная модель про-

слеживается в трудах С.М. Мironенко, И.Н. Ионов, Л.И. Семенниковой и др. постсоветских историков⁸

Технологическая или модернизационная интерпретация тоже заявляет о себе в полный голос только после разрушения в русской истории «прокрустова ложа» марксизма-ленинизма. Ее сторонники определяют предметом исследования технологический процесс, лежащий в основе человеческого прогресса. Исторический процесс представляется в виде политических, экономических, социальных перемен, происходящих на базе научно-технических открытий не зависящих от идеологической сущности господствующих политических режимов. Всемирно-историческая направленность этой концепции выражается в признании определенных стадий, определяющих генеральную линию человеческой истории. Земная цивилизация эволюционирует от аграрного (традиционного) общества к индустриальному, постепенно переходя в информационное (постиндустриальное). В результате более быстрого и эффективного внедрения в социальную практику тех или иных научно-технических инноваций одни народы могут опережать другие, что формирует в одних вариациях излагаемой концепции группы стран «опережающего» и «догоняющего» развития, в других – страны первого, второго и даже третьего «эшелона».

В русской истории подобные взгляды впервые обозначил Н.М. Карамзин, заявивший об отставании России от Запада вследствие существовавшего на русских землях 240-летнего татаро-монгольского ига. Затем эта точка зрения проявилась в трудах историков-западников, восхвалявших реформы Петра Великого, якобы способствовавшие сокращению этого отставания. В конце XX – начале XXI вв. модернизационная составляющая всемирно-исторической интерпретации является основной парадигмой в трудах В.А. Красильщикова, О.Л. Лейбовича, В.В. Алексеева, И.В. Побережникова и ряда других исследователей отечественной истории⁹.

Локально-историческая интерпретация, как и всемирно-историческая, сформировалась в ложах западной гуманитарной мысли. Предмет ее исследования – некие самобытные религиозно-культурные цивилизации. Исторический процесс понимается в виде их самостоятельного функционирования в рамках всеобщего исторического пространства. Каждая цивилизация, как абсолютно самостоятельный социальный организм имеет вполне определенную динамику своего развития, двигаясь от момента зарождения к своему расцвету, после которого неминуемо наступает упадок и гибель. Подобное историческое мышление характерно для родоначальников этой концепции О. Шпенглера и А. Тойнби¹⁰

Русская версия обозначенной интерпретации наиболее ярко проявилась в развитии историко-философского течения, получившего название «евразийство». Суть этого направления гуманитарной мысли заклю-

чается в попытках обобщения идей об уникальности социума, исторически сложившегося на территории России. В научном плане евразийское направление впервые получило аргументированное оформление на рубеже XIX–XX вв. в трудах Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева¹¹

В советское время подобного рода рассуждения были под «табу» и поэтому евразийство продолжало будоражить сознание только представителей гуманитарной науки русских эмиграционных кругов: П.Н. Савицкого, П.П. Сувчинского, Г.В. Вернадского и др.¹²

В самой России цивилизационные представления об историческом процессе стали открыто высказываться лишь 1990-е гг. Новая идейная волна, замешанная, как на инновационных, так и на конъюнктурных соображениях, породила безбрежное море концептуального хаоса, в котором, наряду с естественной в подобных ситуациях «пенной» различного рода фантазмагорических версий исторического развития России и всего мирового процесса, нашлось таки место оригинальным теориям, заслуживающим внимания профессиональных историков.

К таким теориям, по нашему мнению, вполне можно отнести, выстроенную в локально-историческом ключе, историческую концепцию Л.Н. Гумилева¹³ В своих рассуждениях ученый явно отталкивается от политической доктрины «евразийства» и исторической логики Н.Я. Данилевского. Называя себя «последним евразийцем», он видит в основе мирового исторического процесса развитие различных этносов, то есть общностей людей, имеющих единую, компактную территорию проживания и обладающих неким «пассионарным духом», базирующимся на антропологических, психологических, культурологических, географических и климатических факторах.

Эти теоретические воззрения достаточно аргументировано экстраполируются ученым на русскую историю, подразделяющуюся в соответствии с его этно-историческими представлениями на две цивилизации. Древнюю Русь, погибшую под ударами татаро-монголов в XIII веке в результате утраты киево-славянским этносом пассионарного духа, а также Московско-Петербургскую Россию, опирающуюся на некий великоросский этнос, возникший в XIV в. на обломках киево-славянского, при значительной примеси скандинавской, финно-угорской и татаро-монгольской крови.

Историческая концепция Л.Н. Гумилева, выдержанная в цивилизационном духе, на наш взгляд, страдает яркими проявлениями фатализма. Обрекая поколения, живущие ныне в России, на неминуемый упадок, предрекая гибель российской цивилизации в XXVIII в., она способствует укреплению в обществе социального пессимизма. Хотя катаклизмы, пережитые Россией в XX веке и противоречия, свойственные современному развитию российского социума наводят на глубокие размышления и

не позволяют отмахнуться от нее, как от очередной оригинальной, но псевдонаучной инновации.

В заключении отметим, что на современном этапе развития историческая наука России находится в состоянии мучительно сложного перехода к новому качеству. Его вектор направлен от тоталитарной методологии к подлинному научному плюрализму мнений. Сложность и противоречивость обозначенного пути обуславливает трудности нового методологического осмысления российской истории, порождает огромное количество порой совершенно противоположных мнений по одной и той же проблеме.

¹ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1973.

² Голубинский Е.Е. История русской церкви. В 2-х т. М., 1997; Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. В 2-х т. М., 1992–1993; Нечволодов А. Сказание о русской земле. В 4-х кн. Екатеринбург, 1993; Никольский Н.М. История русской церкви. М., 1988; Толстой М. Рассказы из истории русской церкви. М., 1870; Шмеман А. Исторический путь православия. Париж, 1989.

³ Деникин А.И. Поход и смерть генерала Корнилова. М., 1990; Он же. Очерки русской смуты. М., 1991.

⁴ Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX в. М., 1995; Цытин В. История Русской Православной Церкви. М., 1994; Якутин В.Н. За веру и Отечество. Самара, 1995.

⁵ Карамзин Н.М. История государства Российского. В 4-х кн. Ростов-на-Дону, 1994; Соловьев С.М. История России с древнейших времен. В 18-ти кн. М., 1991.

⁶ Покровский М.Н. Избранные произведения. В 4-х кн. М., 1965–1967.

⁷ Ключевский В.О. Курс русской истории. Соч. В 9 т. М., 1987.

⁸ Мироненко С.В. История Отечества: люди, идеи, решения. М., 1991; Ионов И.Н. Российская цивилизация IX–XX вв. М., 1995; Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. Брянск, 1995.

⁹ Красильщиков В.А. Модернизация: зарубежный опыт и Россия. М., 1991; Лейбович О.Л. Россия и модернизация. Пермь, 1993; Алексеев В.В. Региональное развитие в контексте модернизации. Екатеринбург, 1997; Он же. Общественный потенциал истории. Екатеринбург, 2004; Нефедов С.А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Екатеринбург, 2005.

¹⁰ Тойнби А. Постигание истории. М., 1990; Шпенглер О. Закат Европы. Новосибирск, 1993.

¹¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб., 1995; Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство: Философия и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891). М., 1996.

¹² Вернадский Г.В. Русская история. М., 1997.

¹³ Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 1988; Он же. Этногенез и биосфера земли. Л., 1989; Он же. География этноса в исторический период. Л., 1990; Он же. «Меня называют евразийцем...» // Наш современник. 1991. №1; Он же. От Руси к России: Очерки этнической истории. М., 1992.